
К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 355.47(913)

ГЕОГРАФИЯ И ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА: СЮЖЕТ ИЗ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ “СПОКОЙНОЙ” АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

© 2015 г. А.А. Тишков

Институт географии РАН, Москва, Россия; tishkov@biodat.ru

Поступила 02.12.2014 г.

В статье на основе анализа материалов “Списка работ Института географии АН СССР, выполненных за время Отечественной войны (1941–1943 гг.)” [10] и многочисленных публикаций в географических изданиях к 40-летию и 50-летию Великой Победы, рассматривается вклад ученых-географов в военно-географическое обеспечение армии и тыла, приводятся количественные и качественные оценки объема картографического и справочного материалов, подготовленных в Институте географии в годы ВОВ, в том числе сопоставляется непосредственное участие в этих работах И.П. Герасимова и К.К. Маркова. Высказывается предположение, что благодаря некоторому отходу в годы ВОВ от идеологической борьбы с “деновщиной” и “геттнерианством” отечественной географии удалось вернуться к ее страноведческой сути, ландшафтному подходу и статистико-отраслевому направлению экономической географии, что помогло оперативно создавать требуемые для фронта и тыла картографические и справочные материалы, в том числе карты – ландшафтов территорий фронтов и тыла, проходимости, размещения населения и производительных сил, природных ресурсов, мобилизационного потенциала территорий и пр. Показано, что каждое из направлений деятельности Института географии в период ВОВ в послевоенные годы получило свое инновационное развитие.

Ключевые слова: Великая Отечественная Война, Институт географии, военно-географические карты, военно-географические описания, ландшафтный подход, отраслево-статистическое направление в экономической географии, стратегические ресурсы, география ресурсов.

Если внимательно сравнивать экономико-географические карты и книги, созданные накануне войны в Германии и СССР, то можно заметить и разное отношение к географии в этих странах. В первой – диктат рационально организованного пространства, развитие учения А. Геттнера, реальное олицетворение идей А. Леша и его “Географического размещения хозяйства” (1940), воплощение “кристаллеровских” построений и теория “центральных мест”. А во второй – директивно создаваемые прифронтовой и эвакуационный “узоры” поселений и хозяйства, формируемые на основе “районной школы” и концепции ТПК Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского, плюс “остатки” разгромленного еще в 1930-х гг. отраслево-статистического направления экономической географии В.Э. Дена и продолжение борьбы с “деновщиной”, политический ярлык которой – “антисоветские построения геттнерианцев”, да еще скрытое развитие хорологической концепции А. Геттнера и естественнонаучной школы В.В. Докучаева в виде ландшафтного подхода в

географии, яркими представителями которого были Л.С. Берг и А.А. Григорьев.

Выросшие к началу XX в. из одного корня “геттнеровской географии”, ветви русской (советской) и немецкой географических школ к 1941 г., как раз к году смерти А. Геттнера, разошлись в разные стороны. Докучаевская школа географии уже в 1930-х гг. в СССР постепенно теряла свои позиции. Носителями ее идеологии накануне войны в географии оставались Л.С. Берг, А.А. Григорьев, В.Н. Сукачев. При этом Л.С. Берг, возглавивший накануне Великой Отечественной войны Всесоюзное географическое общество, считал, что “география есть наука о ландшафте”, а конечной целью географических исследований является “...изучение и описание ландшафтов, как природных, так и культурных”. Поэтому основа географии – страноведение, а объектное восприятие пространства происходит через “территории” (страны) и “места” (местности). А.А. Григорьев, директор Института географии в те годы, также оставался приверженцем идей “геттнеровской

географии” и одновременно последователем Докучаевской школы географии [4].

Жесткой критике, не всегда объективной, идеи А. Геттнера стали подвергаться со стороны советских географов начиная с 1930–40-х гг. Они возобновились и сразу после войны в рамках травли Л.С. Берга и А.А. Григорьева – несомненных “героев тыла” ВОВ, сумевших мобилизовать всё лучшее, что было в советской географии того времени, включая учение о ландшафте [17, 18], а главное – применивших в практике составления военно-географических карт, справочников и описаний *комплексность, ландшафтные подходы и статистико-отраслевую основу*. Без этих “де-новских” и “геттнеровских” проявлений в военной географии не было бы научного подвига, а вклад отечественных географов в Великую Победу был бы не столь ярким и эффективным. Интересно проследить, как это удалось сделать в идеологически жестких условиях организации науки в стране? Но это другая тема аналитической статьи.

Не менее интересным, на наш взгляд, для понимания вклада географов в Великую Победу можно считать *рассмотрение участия в географическом обеспечении фронта и тыла двух выдающихся учеников и младших коллег Л.С. Берга и А.А. Григорьева, будущих лидеров отечественной географии, и академиков – И.П. Герасимова и К.К. Маркова*, которые накануне ВОВ в 1939 г. опубликовали совместно две блестящие монографии “Ледниковый период на территории СССР” и “Четвертичная геология”, положивших начало палеогеографии как новой географической дисциплины. Напомним, что оба учились в 1920-х гг. у Л.С. Берга и А.А. Григорьева, которые вместе с академиком Л.И. Прасоловым были даже оппонентами докторской диссертации И.П. Герасимова, а становление К.К. Маркова как палеогеографа шло под влиянием не только идей Я.С. Эдельштейна, но и А.А. Григорьева [4]. Конечно же, ученики не могли в годы испытаний отойти от методологических пристрастий учителей. В этом нам видятся и успехи учеников в “военной географии” 1941–1945 гг., о которых в формате географического эссе говорится в нашей статье.

С сожалением отмечаю, что авторы прежних замечательных и очень правильных статей о вкладе отечественных географов в Великую Победу [1–3, 7, 9, 11, 15, 16] обходили эту проблему стороной. Согласиться с тем, что в основе всей географической деятельности для фронта и тыла (прежде всего, составлении “спецкарт” и “военно-географических описаний”) лежало, как писали чуть позже коллеги-критики, “буржуазное”, “формализованное” учение о ландшафте, они не

могли. Тем более несколько странным выглядят первые строки статьи В.С. Преображенского [15, с. 22], который знал как никто другой накал страстей и предмет дискуссии в географии 1940-х гг.: “В обращении к комплексным картам как надежному носителю информации проявились не считающиеся с *научно-дисциплинарным делением общеметодологические установки отечественного “географического естествознания”* [15, с. 22]. То есть, несмотря на факты, свидетельствующие, что география СССР выбрала “другой путь” и отвергает единство географии по А. Геттнеру и восстановленное им представление *об информационно-страноведческой функции географии* (именно они легли в основу концепции составления многих “спецкарт”, карт “ландшафтов территории фронта”, “карт элементов проходимости” пр.), они (составители карт) “не считались” с навязанной методологией “научно-дисциплинарного деления” географии и честно делали свою работу.

А.Г. Исаченко, отметивший в 2012 г. свой 90-летний юбилей, писал в 1971 г.: “*Геттнеровская хронологическая концепция в известной мере может рассматриваться как вершина буржуазной географии конца XIX – начала XX в., но вместе с тем и как наиболее концентрированное выражение ее кризиса*” (с. 255).

Суд над Л.С. Бергом и А.А. Григорьевым (по аналогии с “сессией ВАСХНИЛ” у биологов) планировался в Институте географии спустя 5 лет после Великой Победы в 1950 г. [18, 20]. Чтобы не быть голословным и показать абсурдность обвинений, прозвучавших в статьях и в выступлениях сотрудников Института географии, приведу цитату из статьи В.А. Витизевой [20], будущего видного экономгеографа, а в то время аспирантки института, активно сотрудничающей с партгором Института В.С. Преображенским: “... у этих ученых (Л.С. Берга и А.А. Григорьева – А.Т.) имелись крупные теоретические ошибки. Представления академика Григорьева о «едином географическом процессе» ... далеки от марксистской постановки этого вопроса. Он совершал грубую ошибку, смешивая законы развития природы с законами общественного развития ... Аналогичные ошибочные взгляды еще сохранились у многих географов ... «Гармоническое» понимание ландшафта, хронологический подход к географии, геттнерианская классификация наук, которые ранее отставал Л.С. Берг, и которых придерживаются еще поныне некоторые ландшафтоведы, ничего общего не имеют с диалектическим материализмом” [20, с. 96]. Вот так аспирантка в 1950 г. вместе с молодыми профессорами-учениками “судила”

учителей – лидеров отечественной географии. Притом, что А.А. Григорьев в 1947 г. получил Сталинскую премию за книгу “Субарктика”, а Л.С. Берг был выдвинут на Государственную премию (получил в 1951 г. посмертно).

Нападки на последователей А. Геттнера закончились со смертью Л.С. Берга и уходом А.А. Григорьева с поста директора Института географии, чего не мог не знать В.С. Преображенский, когда писал свои статьи о географах и Великой Победе. Тем более с уходом учителей оставались на своих постах их ученики – представители “спокойной” академической и университетской географии, будущие академики И.П. Герасимов и К.К. Марков. Первый после войны в 1946 г. стал членом-корреспондентом АН СССР, перешел на работу в Институт географии и стал в 1951 г. его директором. А второй в 1945 г. стал деканом географического факультета МГУ и только в 1953 г. – членом-корреспондентом АН СССР.

Для автора настоящей статьи оба они – славные герои “военной географии” 1941–1945 гг., чей вклад в Великую Победу был, несомненно, не менее весомым, чем их учителей. И это, на мой взгляд, оказалось возможным потому, что они не отказались на тот период от *восприятия географии как науки о ландшафте, как об уникальной синтетической науке, в которой главное в методологии – комплексность и междисциплинарность, а не стремление к получению выдающихся достижений в каждой из слагаемых дисциплин.*

Лучше всего отношение к нашей науке накануне войны определил А.Е. Ферсман, когда писал еще до окончания войны свою статью “География на службе войны” «...[война – А.Т.] Многое заставила пересмотреть в наших методах “спокойной” академической работы ... Но среди всех этих изменений в области знания самые интересные и самые широкие проблемы выдвинуты в науке, которую мы, сознаемся, не очень признавали в старое время за самостоятельную научную дисциплину, но которая сейчас во всей сложности военной обстановки выходит на передовое место и делается одной из тех военных дисциплин, которые готовят решения важнейших и труднейших задач мирового конфликта. Речь идет о географии... Только сейчас, когда разразилась война, когда во всей остроте запросов фронта и тыла перед географией были поставлены не проблемы теоретической науки, а задачи сегодняшнего дня, впервые география почувствовала в себе новые силы и стала искать и реально находить новые пути» [19, с. 25]. Все это сказано было под впечатлением

работы, которую в первые годы войны проводили сотрудники Института географии РАН.

За прошедшие 70 лет среди географов сложилась устойчивая традиция, что о вкладе академической географии в Победу на страницах “Известий РАН. Серия географическая” писали преимущественно географы-фронтовики – Л.С. Абрамов [1–2, 16] и В.С. Преображенский [11, 15], которые сполна понюхали фронтового пороха, а библиотечной пылью Института географии на Старомонетном переулке в полуголодной и затемненной Москве 1941–1943 годов все-таки не дышали. Но, к счастью, спустя 40 лет, когда появилась статья Л.С. Абрамова “Советские географы в Великой Отечественной войне” [1] и даже спустя 50 лет после войны, когда В.М. Котляков с В.С. Преображенским опубликовали статью “Академическая география – Вооруженным Силам (1941–1944 годы)” [11], еще были живы некоторые сотрудники института, отдавшие много сил военно-географическому обеспечению армии в самые сложные первые годы войны. Автору статьи повезло в жизни не только работать бок о бок, но и общаться с некоторыми из них, познакомиться с результатами их работы тех лет.

Эти результаты, которые так поразили академика А.Е. Ферсмана [19], простым аннотационным перечнем представлены в скромной, отпечатанной на машинке книжнице с грифом “НЕ ПОДЛЕЖИТ ОГЛАШЕНИЮ” [10]. Она сравнительно недавно стала объектом внимания и изучения. Ее анализ позволяет по-новому увидеть и оценить подвиг наших старших коллег, расставить по местам вклад всех вместе и каждого. Формат отчета, составленного заведующей редакцией Института С.М. Коган 31 декабря 1943 года, позволяет увидеть и многообразие военно-географической продукции, выдаваемой “на гора” академическими географами, и вклад каждого из них. В синий выцветший конвертик, приклеенный к последней странице отчета, вложена рукописная таблица с многочисленными чернильными правками – исправлениями цифр и добавлением состава работ. Таблица в сокращенном виде воспроизведена в статье В.С. Преображенского и Т.Д. Александровой [15], но и в этом виде она поражает объемом выполненных работ – тематическим разнообразием, количеством карт, военно-справочных описаний и пояснений. Ведь в разные годы в Москве в штате Института числилось от 13–14 (1941) до 22 (1943) человек. Академик А.А. Григорьев вместе с 58 сотрудниками в 1941–1942 гг. был в Алма-Ате, а руководство Московской группой до его возвращения в Москву осуществлял “красный профессор” В.Ф. Васютин [5, 6]. Заведующим

картографическим кабинетом института в годы войны был выпускник Академии Генерального штаба, участник Первой мировой и Гражданской войн – А.В. Стрельбицкий, который накануне своего 70-летия в 1944 г. защитил кандидатскую диссертацию. И становится понятным – как такая маленькая группа специалистов смогла подготовить для нужд фронта и тыла материалы 250 названий и более 1300 карт, которые хоть сейчас пускай в дело, – настолько они четкие, детальные, аккуратные и понятные для пользователя. Среди военно-географических материалов, которые попали в отчет Института за 1941–1943 гг. (его алмаатинской и московской групп), можно выделить:

- результаты экспедиции по изучению и мобилизации земельных фондов Казахстана (473 карты);

- работы экспедиции по выявлению возможностей промышленного развития населенных пунктов восточных районов СССР (47 наименований документов);

- материалы для восстановления хозяйства районов, пострадавших от войны (например, Донецкого бассейна);

- специальные военно-географические и физико-географические карты (всего 383 с 70 подробными легендами и описаниями – около 70 печатных листов);

- 8 справочников для Военно-воздушных сил Красной армии (65 п.л.);

- 10 описаний отдельных территорий СССР и фронтов (120 п.л.);

- военно-географические описания зарубежных стран (всего 19 общим объемом 187 п.л.);

- военно-климатические описания (4 документа, 11 п.л.);

- работы по снежному покрову (10 документов, 11 п.л.) и др.

За каждой строкой этого перечня – труд на пределе возможного, бессонные ночи, придирчивость военспецов при приемке материалов. Анализируя оформление авторских оригиналов листов карт, подготовленных Межинститутской группой АН СССР, о которой писала А.С. Кесь [9], при СОПСе (под руководством И.П. Герасимова) и в Институте географии РАН, В.С. Преображенский и Т.Д. Александрова [15] отмечали, что карты составлялись по специальной программе, разработанной в Институте географии. Среди постоянных сотрудников Института и привлеченных специалистов по количеству составленных карт выделялись [7, 9] А.С. Кесь (39 карт),

Н.В. Думитрашко, А.Ф. Гужева и Г.В. Обидиентова (по 30 карт), но несомненным лидером была А.А. Ерохина (73 карты) из Почвенного института. Сравнительно много подготовленных карт на счету Л.Г. Каманина (22), А.И. Соловьева (18), Ю.А. Ливеровского с географического факультета МГУ (23) и Г.А. Благовещенского из Главного ботанического сада (22). Непосредственное участие в составлении среднemasштабных комплексных военно-географических карт профессоров И.П. Герасимова и К.К. Маркова в отмеченной выше статье фактически не выделено [15] – всего им принадлежит авторство по одной карте каждому (т.е. их подписи как составителей авторских оригиналов найдены на одной карте). А общее руководство по составлению военно-географических карт И.П. Герасимова (до 1943 г. сотрудника Почвенного института) отмечено в специальном разделе отчета [10], где также указано, что в этих работах “принимали участие практически все сотрудники Института” и привлеченные специалисты – В.Н. Васильев, А.Ф. Гужевая, А.Г. Доскач, Н.В. Думитрашко, А.А. Ерохина, А.П. Жузе, Л.Г. Каманин, А.С. Кесь, Ю.А. Ливеровский, Г.В. Обидиентова, В.Н. Олюнин, Л.Е. Родин, Н.Н. Розов, А.М. Семенова-Тян-Шанская, А.Н. Соловьев. Несмотря на то, что в отдельных позициях среди непосредственных авторов карт указывались профессора К.К. Марков и Е.М. Лавренко, в данном перечислении их имен нет. Зато они есть в самом конце резюме работ, где говорится о “новом типе карт”, отмечается, что “при составлении карты использована новая методика комплексной и ландшафтной картографии... (редакторы: проф. И.П. Герасимов, проф. Е.М. Лавренко, проф. К.К. Марков)”. Но В.С. Преображенский с непонятной настойчивостью в своих публикациях о войне, особенно в статье [15], подчеркивает идеологическое лидерство именно И.П. Герасимова, а не тех, кто был реально идеологом и исполнителем “комплексных военно-географических карт” и “военно-географических описаний”. Так, только процитировав резюме из отчета Института географии по работам 1941–1943 гг. [10], со ссылкой на участие в редакторской работе К.К. Маркова и Е.М. Лавренко, а также на использование “новой методики комплексной и ландшафтной картографии”, он пишет: “Очевидно, в тексте этого обобщения видны мысли руководителя работ – И.П. Герасимова” [15, с. 22].

Накануне светлого праздника Победы, по-видимому, не совсем уместно считать, кто и сколько персонально из старших коллег-географов вложил сил, знаний и здоровья в ее приближение. Тем более, именно эту задачу поставили перед собой и

решили накануне 50-летия Победы В.С. Преображенский и Т.Д. Александрова, когда на основе архивного материала составили таблицы авторского участия 26 специалистов в создании в период Великой Отечественной войны среднемасштабных комплексных военногеографических карт [15]. При перечислении имен наиболее отличившихся, по мнению авторов, составителей спецкарт ими написано, что "... Имя А.А. Григорьева, руководившего всем институтом..., как и имя И.П. Герасимова, числящегося до 1943 г. сотрудником Почвенного института, но *руководившего вместе с К.К. Марковым работами по созданию карт* (выделено нами. – А.Т.), в пространственных комментариях не нуждаются" [15, с. 19]. Непонятно, когда и где осуществлялось это совместное руководство, так как тематически, пространственно и по времени данные работы были разделены, а И.П. Герасимов руководил в 1942–1943 гг. только частью картографических работ, связанных с подготовкой военно-географических карт, карт проходимости, карт лесов и болот для Европейского и Дальневосточного военных театров. В их составлении участвовали практически все постоянные и привлекаемые сотрудники Московской группы.

Хотел бы также обратить внимание на такую простую статистику: С.М. Коган в упомянутом "Списке работ ... 1941–1943 гг." [10], формально фиксируя исполнителей и руководителей заданий, практически для каждого второго–третьего из них отмечает участие проф. *К.К. Маркова*. Многократно о нем упоминают в своих военных и послевоенных публикациях А.А. Григорьев и Ю.К. Ефремов [5, 6, 8]. В то же время имя *И.П. Герасимова* в качестве руководителя, редактора и исполнителя в данном документе упоминается только несколько раз. Правда, уже в отчете за 1944 г. (по данным Архива РАН, см. [15]) эта диспропорция нарушена – проф. И.П. Герасимов вместе с В.Ф. Васютиным и А.А. Григорьевым отмечается как руководитель работ по "географическому обслуживанию Красной Армии" и совместной с Ботаническим институтом работы "Природные факторы проходимости".

Здесь же конспективно перечислим наиболее значимые работы, *выполненные К.К. Марковым* в эти годы в стенах Института географии (в Алма-Ате и в Москве [13]):

(1) общее редактирование и составление в 1941 г. коллективной монографии "Рельеф СССР";

(2) участие после начала войны в подготовке на основе материалов восьмитомной монографии "География СССР" для Госплана СССР тру-

да "Природные ресурсы отдельных экономических районов СССР и задачи их использования в условиях военного времени" (под руководством В.Ф. Васютина);

(3) участие в выявлении, инвентаризации и картографировании пахотных фондов Казахстана (К.К. Марков назван среди первых лиц, наряду с А.А. Григорьевым и Б.А. Федоровичем и другими 18 сотрудниками Института);

(4) участие в 1942 г., вместе с Л.Г. Каманиным, в обосновании выбора вариантов прохождения так называемой "Северо-Сибирской магистрали", связи ее материкового направления с Охотским побережьем, а также и оценке перспектив создания Транскамчатской железной дороги (редко упоминаемый факт);

(5) руководство совместно с А.А. Григорьевым составлением военно-геоморфологических карт 10-верстного масштаба по заданию Военно-инженерного управления РККА;

(6) руководство вместе с проф. В.Ф. Васютиным в 1942–1943 гг. подготовкой военно-географических описаний территорий фронтов (одновременно он был и исполнителем в каждом из четырех описаний);

(7) разработка и издание курса "Военной географии" [14], который читался им в МГУ и был востребован в других учебных заведениях [13];

(8) корректировка содержания материалов по военно-географическому обеспечению армии непосредственно на основании знакомства с фронтовыми инженерными и военно-геологическими службами (материалы поездки К.К. Маркова на Карельский фронт);

(9) руководство вместе с В.Ф. Васютиным составлением специальных военно-географических справочников для Военно-воздушных сил Красной Армии (ВВС КА); на общих основаниях в качестве составителя участвовал в подготовке описаний и справочников для ВВС КА по Западному, Юго-западному, Южному направлению и Дальнему Востоку [13, 14];

(10) подготовка и редактирование в 1942 г. военно-географических описаний по районам военных действий и фронтам – по Большому Кавказу (совместно с проф. В.В. Белоусовым), Южному и Калининскому фронтам;

(11) подготовка военно-географического описания Индии (совместно с А.В. Смит);

(12) участие в подготовке военно-географических справочников отдельных территорий, в том числе оккупированных немецко-фашистскими

захватчиками на 1943 г. (Степная Украина, Правобережная Украина, Донецкий бассейн, Северная Левобережная Украина, Смоленская область, Латвийская ССР и др.).

Послужной список *И.П. Герасимова*, в отличие от перечисленного выше списка К.К. Маркова, хорошо известен из публикаций Л.С. Абрамова, В.С. Преображенского и отчасти А.С. Кесь [ ]. Он не менее значимый, но все же ограничен важными для Красной армии работами по созданию оперативных среднemasштабных (М 1 : 1 500 000, М 1 : 500 000, М 1 : 420 000) карт [1–3, 7, 9, 11, 15–16, 19]. По сути, эти работы в отсутствие в СССР штатной военно-географической службы были начаты межинститутской группой специального картографирования, созданной сразу после начала войны при СОПС АН СССР, но базирующейся в помещении Института географии АН СССР и его спецчасти. Привлечение к ним в качестве руководителя проф. И.П. Герасимова, руководившего в Почвенном институте лабораторией географии и картографии почв, было вполне оправданным. Уже в первые месяцы 1942 г. он собирает группу из специалистов Института географии, Почвенного и Ботанического институтов – из Москвы, Алма-Аты, Казани и даже из блокадного Ленинграда (проф. Е.М. Лавренко). “Группа Герасимова” существует параллельно с “Оборонной группой Института географии”, созданной в феврале 1942 г. приказом по Президиуму РАН. Ею руководит В.Ф. Васютин и задачи формулируются достаточно широко – военно-хозяйственное и военно-географическое описание территорий, специальное картографирование, описание зарубежных стран, военно-климатические работы и пр. В 1941–1942 гг. в отчетах Института географии имени И.П. Герасимова фактически нет. В отчете 1943 г. в отдельный раздел выделены результаты работы его группы специального картографирования – карты проходимости (М 1 : 500 000) и др. И в последующие годы упоминания имени И.П. Герасимова чаще ассоциированы с приемкой материалов по географическому обеспечению Красной Армии – трестом “Спецгеология”, Военно-инженерным комитетом Красной Армии, Военно-топографической службой Красной Армии и др.

Вот так, через призму участия двух лидеров отечественной географической науки того времени – И.П. Герасимова и К.К. Маркова – в работах по географическому обеспечению фронта и тыла во время Великой Отечественной войны удалось оценить интеллектуальную мощь, профессионализм и патриотизм наших старших коллег. Все, что они делали в военное время, – человеческий

и научный подвиг, героический эпизод в *истории отечественной географии*. А чтобы понять, почему про роль одного из них писалось на страницах нашего журнала много, а роль второго, несмотря на его ведущее участие в работах Института географии в период ВОВ, никак не выделялась, приведу несколько строк из шуточной поэмы “*Землячеству землеведов*” географа, поэта, участника ВОВ Ю.К. Ефремова, датированных 26 января 1945 г.

... Нас много здесь, кто помнит ярко,
Когда во цвете юных лет
Пришли Герасимов и Марков
В Московский университет.

Чужды раздорам нездоровым
Мы как о двойне говорим:
Они вдвоем как Ильф с Петровым,
Как братья Тур, как братья Гримм...

... Так все течет. Дуэт в разводе.
Им лучше стало на свободе
Строчить трактаты лист на лист
И каждый – сам себе солист.

О них говаривали прежде
Как о свершившейся надежде –
Что мир дано им удивить:
Прийти, увидеть, победить.

Удобство этой установки
В себя Герасимов впитал.
Поездки быстры, фразы ловки,
Пришел, увидел, написал...

В качестве *заключения к содержательной части статьи* отметим, что Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – важный этап истории отечественной географической науки, показавший ее фундаментальность, исключительный потенциал для оперативного развертывания исследований в военное время и качественного обеспечения географической информацией фронта и тыла. За сравнительно краткий период *география смогла вернуться к ее страноведческой сути, полностью признанию “учения о ландшафте”, статистико-отраслевому направлению и многому другому, с чем боролась, приклеивая политические ярлыки и ломая судьбы исследователей.*

В стране не прекращались экспедиционные исследования, послужившие основой для принятия стратегических решений в региональном развитии, карт и оценок мобилизационных ресурсов целых регионов страны и выявления потенциала для эвакуации промышленности и населения, новых мест размещения производительных сил. Как никогда в исследованиях и картографических работах доминировала комплексность, ориентация на практику, внедрение новых методов (дешифрирование аэрофотоснимков, оперативная

снеговая, береговая и гидрографическая съемки), для анализа и синтеза открылись новые источники данных – например, средне- и крупномасштабные карты, сведения о зарубежных странах. И физикогеографы (например, К.К. Марков [14] и С.В. Калесник), и экономикогеографы (например, Н.Н. Баранский) в лучших традициях отечественной географии вышли на крупные обобщения опыта работы географов в военное время – подготовили пособия по военной географии.

Практически все начинания, которыми были богаты исследования Института географии периода ВОВ, нашли свое развитие в тематике исследований в последующие десятилетия и составили славу отечественной географии. Так, работы по пахотному и пастбищному фондам Казахстана и Юга Урала легли в основу серии региональных атласов и обоснования освоения Целины, исследования в период войны по географии населения, транспорта и размещению производительных сил, помогли возродиться находящимся перед войной в упадке некоторым отраслям экономической географии (география промышленности, география сельского хозяйства, страноведение) и даже дали импульс становления новой дисциплины – географии природных ресурсов. Созданные в 1942–1944 гг. описания зарубежных стран получили свое монографическое оформление, были опубликованы в “Географгизе” и стали “первыми ласточками” среди книг, знакомивших население с природой и хозяйством стран Европы и Азии. Наконец, опыт среднемасштабного общегеографического и комплексного картографирования, накопленный межинститутской группой по составлению карт и описаний, был воспринят как военными (еще во время войны был создан НИИ Военно-топографической службы), так и мирными службами, что позволило СССР выйти на передовые позиции в картографическом обеспечении хозяйства и обороны, а отечественной географии долгое время сохранять инновационный характер [12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов Л.С.* Советская география в Великой Отечественной войне // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 2. 1985. С. 5–17.
2. *Абрамов Л.С.* Географическая наука – Победе // Изв. РАН. Сер. геогр. № 2. 1995. С. 5–9.
3. *Герасимов И.П., Кесь А.С.* Опыт составления комплексных географических карт // Тр. 2-го съезда Геогр. об-ва СССР. Т. 1. М., 1948. С. 348–355.
4. *Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н.* История географии. Учебное пособие. Смоленск: Изд-во СГУ. 1998. 224 с.
5. *Григорьев А.А.* Институт географии АН СССР в дни Отечественной войны // Вестн. АН СССР. 1947. № 7–8.
6. *Григорьев А.А.* Советская география и война // Изв. ВГО. Т. 76. Вып. 1. 1944. С. 10–20.
7. *Доскач А.Г., Кесь А.С., Назаревский О.Р., Помус М.И.* География в учреждениях Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1975. № 3. С. 5.
8. *Ефремов Ю.К.* Из опыта военно-географического обслуживания фронта. Советские географы – фронту и тылу // Вопр. геогр. Сб. № 128. 1985. С. 77–83.
9. *Кесь А.С.* Работы межинститутской группы Академии наук СССР // Вопр. геогр. Сб. № 128. 1985. С. 155–160.
10. *Коган С.М.* Список работ Института географии АН СССР, выполненных за время Отечественной войны (1941–1943 гг.). Рукопись. Архив ИГ РАН. 1943. Инв. № 4249. 84 с.
11. *Котляков В.М., Преображенский В.С.* Академическая география – Вооруженным Силам (1941–1944 годы) // Изв. РАН. Сер. геогр. № 2. 1995. С. 9–21.
12. *Котляков В.М., Тишков А.А.* Стратегия устойчивого развития России в начале 21 века: инновационные векторы и место географического прогноза // Инновации. 2009. № 9. С. 74–81.
13. *Марков К.К.* Воспоминания и размышления географа. М.: Изд-во МГУ, 1973. 118 с.
14. *Марков К.К.* Военная география // Изв. ВГО. 1943. Т. 75. Вып. 3. С. 13.
15. *Преображенский В.С., Александрова Т.Д.* Комплексные военно-географические карты: 1941–1944 гг. Опыт академического специального картографирования // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 2. С. 22–34.
16. Советские географы – фронту и тылу (1941–1945 гг.) / Отв. ред. Л.С. Абрамов // Вопр. геогр. № 128. М.: Мысль, 1985. С. 25–30.
17. *Тишков А.А.* Люди нашего племени. Очерки об ученых – учителях, коллегах, друзьях. М.: Институт географии РАН. 2012. 276 с.
18. *Тишков А.А., Мурзаева В.Э.* Пространство, время и люди – главные герои жизни Э.М. Мурзаева // Изв. РАН. Сер. геогр. № 2. 2008. С. 132–137.
19. *Ферсман А.Е.* География на службе войны // Вопр. геогр. Сб. 128. 1985. С. 25–30.
20. <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Byandsearch%3Bweb%3B%3B&text>. *Витязева В.А.* Об основных вопросах географической науки // Вестн. АН СССР. 1951. № 6. С. 95–98.
21. <http://www.istpravda.ru/> СССР готовился воевать на чужой территории.

REFERENCES

1. Abramov L.S. Role of Soviet geography in the Great Patriotic War. *Izv. Akad. Nauk SSSR, Ser. Geogr.*, 1985, no. 2, pp. 5–17. (In Russ.).
2. Abramov L.S. Geographical science for the Victory. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1995, no. 2, pp. 5–9. (In Russ.).
3. Gerasimov I.P. and Kes' A.S. Experience of compilation of complex geographical maps, in *Tr. 2-go s'ezda Geograficheskogo o-va SSSR* (Trans. 2nd Congr. Geographical Society of the Soviet Union). Moscow, 1948, vol. 1, pp. 348–355. (In Russ.).
4. Golubchik M.M., Evdokimov S.P., and Maksimov G.N. *Istoriya geografii* (History of Geography). Smolensk: Smolensk. Gos. Univ., 1998. 224 p.
5. Grigoryev A.A. The Institute of Geography, Academy of Sciences of the Soviet Union during the Great Patriotic War. *Vestn. Akad. Nauk SSSR*, 1947, nos. 7–8. (In Russ.).
6. Grigoryev A.A. Soviet geography and war. *Izv. Vses. Geogr. O-va*, 1944, vol. 76, no. 1, pp. 10–20. (In Russ.).
7. Doskach A.G., Kes' A.S., Nazarevskii O.R., and Pomus M.I., Development of geographical science in the research institute of the Academy of Sciences of the Soviet Union during the Great Patriotic War. *Izv. Akad. Nauk SSSR, Ser. Geogr.*, 1975, no. 3, p. 5. (In Russ.).
8. Efremov Yu.K. Experience of military-geographic service for the war activities, in *Voprosy geografii. Sb. 128: Sovetskie geografyy frontu i tylu (1941–1945 gg.)* (Problems of Geography, Vol. 128: Soviet Geographers for the Front and Rear). Moscow: Mysl' Publ., 1985, pp. 77–83. (In Russ.).
9. Kes' A.S. The research works of interinstitutional group of the Academy of Sciences of the Soviet Union, in *Voprosy geografii. Sb. 128: Sovetskie geografyy frontu i tylu (1941–1945 gg.)* (Problems of Geography, Vol. 128: Soviet Geographers for the Front and Rear). Moscow: Mysl' Publ., 1985, pp. 155–160. (In Russ.).
10. Kogan S.M. List of research works of the Institute of Geography of Academy of Sciences of Soviet Union performed during the Great Patriotic War (1941–1943): manuscript. Available at Archive of the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 1943, inventory 4249. 84 p. (in Russ.).
11. Kotlyakov V.M. and Preobrazhenskiy V.S. Input of fundamental geographical studies to the Armed Forces (1941–1944). *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1995, no. 2, pp. 9–21. (In Russ.).
12. Kotlyakov V.M. and Tishkov A.A. Strategy of sustainable development of Russia in 21st century: innovation vectors and a place of geographical forecast. *Innovatsii*, 2009, no. 9, pp. 74–81. (In Russ.).
13. Markov K.K. *Vospominaniya i razmyshleniya geografa* (Memories and Reflections of Geographer). Moscow: Mosk. Gos. Univ., 1973. 118 p.
14. Markov K.K. Military geography. *Izv. Vses. Geogr. O-va*, 1943, vol. 75, no. 3, p. 13. (In Russ.).
15. Preobrazhenskiy V.S. and Aleksandrova T.D. Complex military-geographic maps of 1941–1944: experience of academic special cartography. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1995, no. 2, pp. 22–34. (In Russ.).
16. *Voprosy geografii. Sb. 128: Sovetskie geografyy frontu i tylu (1941–1945 gg.)* (Problems of Geography, Vol. 128: Soviet Geographers for the Front and Rear). Moscow: Mysl' Publ., 1985.
17. Tishkov A.A. *Lyudi nashego plemeni. Ocherki ob uchenykh – uchitelyakh, kollegakh, druz'yakh* (People of Our Tribe: Essays on the Scientists – Teachers, Colleagues, and Friends). Moscow: Inst. Geogr., Ross. Akad. Nauk, 2012. 276 p.
18. Tishkov A.A. and Murzaeva V.E. Space, time, and people are principal heroes of E.M. Murzaeva's life. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2008, no. 2, pp. 132–137. (In Russ.).
19. Fersman A.E. Geography in service of a war, in *Voprosy geografii. Sb. 128: Sovetskie geografyy frontu i tylu (1941–1945 gg.)* (Problems of Geography, Vol. 128: Soviet Geographers for the Front and Rear). Moscow: Mysl' Publ., 1985, pp. 25–30. (In Russ.).
20. Vityazeva V.A. About general problems of geographical science. *Vestn. Akad. Nauk SSSR*, 1951, no. 6, pp. 95–98. (In Russ.). <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Byandsearch%3Bweb%3B%3B&text>
21. Soviet Union was ready to war on foreign territory. <http://www.istpravda.ru/>

Geography and Great Victory: A Story from Military Life of Quiet Academic Geography

A.A. Tishkov

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; tishkov@biodat.ru

The contribution of geographers in the military-geographical provision of the army and the rear is shown from the analysis of “The list of works of the Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences, made during the Great Patriotic War (1941–1945)”; archival materials (maps, descriptions, and reports of 1941–1945), handed over to the Museum of the history of the Institute in 2014 with the participation of the author; and numerous publications in the geographical editions to the 40th and the 50th anniversaries of the Great Victory. Quantitative and qualitative estimations of cartographic and reference materials prepared in the Institute of Geography during the Great Patriotic War are presented. Inter alia, direct participation of I.P. Gerasimov and K.K. Markov in these works is mapped. It is supposed that due to the refusal from the ideological struggle with Alfred Hettner’s direction in geography in war years, the national geography returned to regional studies, landscape approach, and sectoral-statistic approach in economic geography. All this helped to quickly generate the required for the front and the rear military mapping and reference materials, including maps: landscapes of the territories of the fronts and the rear, trafficability, distribution of population, productive forces, natural resources, the mobilization potential of the territories, and etc. It is shown that each of scientific directions of the Institute of Geography during the War received its innovative development in the postwar years.

Keywords: Great Patriotic War, Institute of Geography, military- geographical maps, military-geographical descriptions, landscape approach, sectoral-statistic approach of economic geography, strategic resources.

Благодарность всем, кто помогал мне все годы работы в Институте географии, понять и оценить подвиг географов во время Великой Отечественной войны, особенно З.П. Губониной, Т.Д. Александровой и Л.С. Абрамову, направивших в нужном направлении мысль о вкладе географов в Победу. Особая благодарность Г.М. Лаппо, взявшему на себя труд прочитать и отрецензировать рукопись данной статьи, давшему много полезных советов по ее структурированию, изменению акцентов и оценок в дискуссионных вопросах истории географии.